

Цин Чжань, понимая, что его оклик прозвучал слишком грубо, поправил рукав своего длинного халата и поспешно поправился:

— Двенадцатый принц, что вы делаете там наверху?

В глубинах дворца этот чрезмерно любопытный вопрос явно был неуместен.

С детства Цин Чжань был воспитан в строгости, и он не мог понять, почему перед этим маленьким ребёнком он вдруг потерял всякое чувство такта.

В этот момент порыв ветра поднял красную вуаль, которую Янь Пэй пытался поймать, и она чуть не улетела. Янь Пэй, не задумываясь о собственной безопасности, бросился за ней, его движения напоминали попытку улететь вместе с вуалью с розового куста.

— Эй! — Цин Чжань едва не вскрикнул, но, помня о приличиях, сдержал себя, лишь слегка повысив голос.

Вуаль была поймана, но большая часть тела Янь Пэя уже свешивалась с розового куста. Цин Чжань, охваченный тревогой, протянул руки, но Янь Пэй не упал, удерживаясь одной рукой за ветку розы, а другой — за вуаль.

Ветка розы была покрыта шипами, и на маленькой ладони уже появилась пугающая капля крови.

— Прыгай, я поймаю тебя, — Цин Чжань не понимал, почему он так нервничает, даже забыв использовать обращение.

Янь Пэй взглянул на него, затем на свою руку, держащую ветку. Склонив голову набок, он вспомнил, как в шесть лет один из его старших братьев поднял его на высокое дерево и сказал:

— Прыгай, я поймаю тебя.

Тогда маленький ребёнок, полный доверия, прыгнул, но брат не поймал его. Он отшатнулся, и все принцы, служанки и евнухи смеялись, наблюдая, как он лежит на земле, не в силах подняться. Тогда он услышал смеющийся голос:

— Ох, двенадцатый брат, извини, что не поймал тебя!

Тогда он не мог встать от боли, а сейчас он смотрел на протянутые руки Цин Чжана. Молча, просто смотрел.

Цин Чжань, думая, что ребёнок боится, и видя, как кровь продолжает течь из его руки, с тревогой и утешением в голосе сказал:

— Прыгай, я точно поймаю тебя!

Его лицо выражало беспокойство, словно он действительно волновался за него.

Прыгнуть. Если прыгнуть аккуратно, даже если упадешь, это не будет так больно, как в прошлый раз. Янь Пэй закрыл глаза, готовясь к падению.

Но он оказался в тёплых объятиях. Они не были такими мягкими, как объятия матери, но тепло и крепкие руки, держащие его, принесли ему невероятное успокоение.

Лёгкий ветерок поднял красную вуаль, закрыв глаза Цин Чжэня, но он отчётливо чувствовал, как насыщенный аромат роз проникает в его сердце.

Этот аромат остался в его душе, и спустя годы он никак не мог его забыть. В тот момент, когда лёгкий ветерок принёс аромат цветов, два юноши встретились, и всё ещё казалось таким прекрасным.

Мать императора Чуннина была слабой женщиной. Когда в детстве Чуннин страдал от обид других принцев, она обнимала его и тихо плакала. С ранних лет Чуннин перестал плакать, потому что, если он плакал, его мать плакала ещё дольше, и её глаза опухали.

Красная вуаль на розовом кусте была подарена его матери, когда она ещё была в милости. Тогда император сказал:

— Если она наденет эту вуаль, даже цветы персика не сравнятся с её красотой.

Но, как фонарь, который легко гаснет, милость императора трудно удержать.

Мать Чуннина потеряла милость императора, когда её красота ещё была в расцвете. Отсутствие индивидуальности, даже при невероятной красоте, быстро привело к охлаждению. Мать Чуннина не плакала и не жаловалась. Она лишь помнила, как в последний раз он сказал ей:

— Подогрей этот кувшин вина, я скоро вернусь.

Тогда во дворе шёл лёгкий снег, а в комнате горел огонь в очаге. Его руки были тёплыми и крепкими, а на её лице играл красивый румянец. Она покорно кивнула. Но кувшин вина то нагревался, то остывал, а он так и не вернулся. Даже в день рождения их ребёнка она лишь смутно видела его черты. К счастью, он дал ребёнку имя — Янь Пэй, красивое имя.

Она ждала, пока цветы персика опадут, вино остынет, но он так и не вернулся. С тех пор в их одиноком дворце всегда стоял подогретый кувшин вина, но тот человек больше не появлялся.

В тот день охранники принесли её раненого ребёнка и императорский указ, повышающий её до звания Чжаои.

В её сердце ещё теплилась надежда, и она поспешно достала старые вещи, боясь, что он совсем забыл о ней. К счастью, красная вуаль, подаренная ей, была хорошего качества, и, когда она снова достала её, она всё ещё была прекрасна. Но одежда осталась прежней, а человек изменился.

Она нарядилась и ждала во дворце, рядом с её ребёнком, который, несмотря на раны, улыбался.

День за днём, он так и не пришёл, и время медленно текло в их ожидании. Маленький Чуннин поднялся и мягко обнял свою почти плачущую мать. Её глаза покраснели, и она погрузилась в печаль.

Детство Чуннина прошло в этом безнадежном ожидании. Он знал, что ожидание его матери было раздавлено временем, пока годы и надежды не превратились в пустыню.

Несколько дней мать носила свою красную вуаль, ожидая у дверей дворца прихода императора Сяньяня. Но вместо него пришла нарядная, властная женщина.

Хотя она была нарядна, ей не хватало сдержанности и достоинства. Её лицо было красивым, но выражение — угрожающим. Она холодно насмеялась:

— Я знала, что ваш Дворец Нинлэ убог, но не думала, что и ваша внешность опустилась до такого уровня.

Она сделала несколько шагов вперёд и потянулась к красной вуали на матери Чуннина.

Мать Чуннина сопротивлялась, но её схватили несколько слуг. Они позволили женщине растрепать её волосы и снять с неё красное платье, которое когда-то хвалил её возлюбленный.

В то время Янь Пэй учился вместе с другими принцами, и в его отсутствие его мать подверглась унижению. Вернувшись после занятий, он увидел свою плачущую мать и, вопреки привычке, не подошёл утешить её. Он выбежал из Дворца Нинлэ и нашёл красную вуаль на розовом кусте.

Так началась его история с Цин Чжанем. Это было обычное событие, но в памяти Янь Пэя оно осталось неизгладимым. Эти осколки воспоминаний, словно врезанные в кость, снова и снова причиняли ему боль.

Когда Цин Чжань привёл его обратно в Дворец Нинлэ, его мать всё ещё лежала на старом диване, плача так, что едва могла дышать. Её волосы были растрепаны, а жемчужная шпилька лежала на полу, разбитая на две части.

Янь Пэй не обращал внимания на ошеломлённого Цин Чжана, который понимал, что увидел то, что подданному видеть не положено. Видя, как Янь Пэй направляется к выходу, он поспешно

последовал за ним.

Янь Пэй пошёл в задний двор, подошёл к колодцу и начал набирать воду. Цин Чжань видел, как рука ребёнка, только что пораненная шипами роз, держала ведро. Как он мог сам набирать воду? Даже если он был принцем, ему не следовало делать это самому. Но, видя, как он привычно и ловко управляет с ведром, Цин Чжань молча забрал его и поставил в сторону, быстро набрав полное ведро воды.

— Куда это отнести? — спросил он с улыбкой.

— В передний зал, — тихо ответил Янь Пэй, не возражая. Ему нравилось, что этот старший брат помогает ему, ведь многие принцы, казалось, старались угодить ему.

Янь Пэй намочил полотенце и, присев, вытер лицо своей плачущей матери. Он аккуратно причесал её растрёпанные волосы, его выражение было серьёзным и почти святым. Цин Чжань смотрел на Янь Пэя, заботящегося о матери, и чувствовал, как что-то в его сердце тает, как конфета.

Когда Цин Чжань покидал Дворец Нинлэ, закат окутал весь дворец. Янь Пэй проводил его, сохраняя некоторую холодность и отстранённость. Он остановился у ворот, соблюдая приличия, но не желая идти дальше.

<http://bllate.org/book/15451/1370741>